

ЯЗЫК И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Е. В. Кузнецова

Институт философии НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

Статья посвящена проблеме языковой личности и уровню владения субъектом тем или иным языком. Уровень владения языком рассматривается автором в качестве критерия определения лингвокультурной идентичности личности. Автор делает вывод, что, несмотря на новые общественно-цивилизационные условия, язык продолжает играть ключевую роль и в определении принадлежности субъекта, и в процессе коммуникации в целом.

Ключевые слова: язык, культура, языковая личность, национально-культурные традиции, параязык, лингвистическая идентичность.

Очевидно, что язык является своеобразным проводником между человеком и культурной реальностью, создаваемой им самим. Речевая деятельность индивида выступает, в свою очередь, как производная социального поведения, его способ выражения. Речевое поведение выбирается языковой личностью в зависимости от ее принадлежности к определенной социальной группе, причем речевые возможности индивида трудно ограничить какими-либо рамками. Но коммуникация – это не только контакт, но и столкновение индивидов, народов, сознаний. Язык – это средство объединения нации и одновременно средство ее дифференциации на ряд социальных групп [1, с.26].

И.А. Бодуэн де Куртенэ не случайно отмечает именно социальный характер языка, поскольку индивид получает развитие лишь в процессе общения с другими индивидами, а общение уже само по себе является ценностью. Но именно общение позволяет разделить окружающих на «своих» и «чужих». Язык живет «под условиями определенной формы, поэтому народ, вполне сочувствуя формальной стройности языка своего, боится нарушить ее, бережет ее, как святыню» [2, с.56-57]. А.А.Потебня полагает, что народ склонен к постоянному переделыванию языка под потребности своих мыслей. Язык, с его точки зрения, является средним звеном между миром познаваемых предметов и познающим миром, «совмещающим в себе объективность и

субъективность» [3, с.80]. Это доказывает точку зрения, в частности, В.Гумбольдта, что языки порождаются внутренней природой народов. В любом случае всегда индивидуальная интерпретация языка определена сложившимися языковыми стереотипами нации [4, с.30]. Соответственно, владение языком – это деятельность, предполагающая некий результат: знание тех или иных способов материализации мысли, законов и форм построения языковых структур. В этой связи существуют различные концепции, раскрывающие уровень владения языка как фактор определения лингвистической идентичности.

Согласно концепции Л.П.Крысина выделим следующие уровни [5, с.130]. Лингвистический уровень включает свободное «манипулирование» языком безотносительно к характеру его использования в тех или иных сферах человеческой деятельности. Проявляется этот уровень в способности к перефразированию, в способности осознавать неоднозначность слов, словосочетаний, распознавая омонимию, наконец, в способности безошибочно определить, как можно, а как нельзя говорить на том или ином языке. Эти знания и умения составляют основу навыка, называемого «владение языком», включающего в себя нормы произношения, правила грамматики, словоупотребления.

Национально-культурный уровень – это владение национально-обусловленной спецификой использования языковых средств. Он предполагает специфическое использование языка, его выразительные средства отражают культурные обычаи и традиции народа. Существенным компонентом национально-культурного уровня владения языком является знание коннотаций слова – стандартных ассоциаций, которые возникают у говорящих при произнесении того или иного слова. Например, в русском языке слово «корова» ассоциируется с такими качествами, как неповоротливость и толщина, поэтому возможны бранные выражения на основе такого рода коннотаций; у индусов же корова – священное животное, поэтому использование «коровы» как бранного выражения невозможно, для индусов «корова» – символ грации.

Энциклопедический уровень предполагает владение не только самим словом, но и «миром слова», т.е. теми реалиями, которые стоят за словом, и связями между этими реалиями. Знание «мира слова» проявляется, в частности, в правильном представлении о родо-видовых отношениях между вещами и понятиями.

Ситуативный уровень – это умение применять языковые знания и способности – лингвистические, относящиеся к национально-культурному и энциклопедическому уровням – сообразно с ситуацией. Ситуация общения включает в себя говорящего и его социальную

роль, слушающего и его социальную роль, отношения между говорящим и слушающим, тональность общения, цель, средства общения, в том числе параязыковые, способ общения (устный / письменный, контактный / дистанционный), место общения.

Таким образом, уровни владения языком – одна из основных характеристик, позволяющая определить согласно уровню владения индивидом языком его лингвистическую идентичность. Также данная характеристика необходима для создания портрета языковой личности.

Существующие в современной гуманитаристике определения языковой личности варьируются. Так, Ю.Н. Карауловым предложена следующая структура языковой личности [6, с.30]. Первый уровень языковой личности – вербально-семантический, предполагающий, что носитель владеет всеми нормами естественного языка. Второй уровень – когнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее систематизированную картину мира; данный уровень предполагает расширение значения и переход к знаниям, то есть охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека. Третий уровень – прагматический, включающий цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности; этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире.

В.В. Красных предлагает разделить «человека говорящего» на языковую личность, коммуникативную личность, речевую личность. При этом В.В. Красных расшифровывает данные понятия следующим образом [7, с.50-51].

1) языковая личность – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как процесс порождения, так и процесс восприятия речевых произведений); обладающая определенной совокупностью знаний и представлений;

2) речевая личность – личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (лингвистических, экстралингвистических);

3) коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации.

Красных считает необходимым введение подобного разграничения, так как каждый человек – «человек говорящий» – выступает одновременно в трех ипостасях: как языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность. Но важной составляющей языковой личности (человека говорящего), как мы видим, выступает, безусловно, его этнокультурная характеристика или национальная, если пользоваться терминологией Ю.Н. Караулова. Для Ю.Н. Караулова национальная характеристика является некоторой доминантой, детерминируемой национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией, которая, в свою очередь позволяет выделить в общеязыковой картине мира инвариантную часть. Выделение такой инвариантной части позволяет говорить о существовании некоего общенационального или этнокультурного типа, определяющего принадлежность языковой личности к тому или иному лингвокультурному сообществу, и построению особого типа коммуникации между представителями различных типов [8, с.1733]. То есть мы можем говорить, что языковая личность есть своеобразное коллективное сознание определенной лингвокультурной общности.

Итак, владение языком выступает ключевым моментом в определении лингвистической идентичности личности. Но сам процесс идентификации довольно сложен и включает в себя несколько составляющих. Например, в процессе лингвистической идентификации значительную роль играет так называемый феномен интерференции, который быстро помогает отличить речь немца, живущего в Германии, от речи немца, живущего в Швейцарии или Австрии. Сложнее обстоит ситуация с лингвистической идентификацией билингов – субординативных и координативных. Субординативный билингвизм предполагает владение субъектом в равной степени двумя языками, один из которых воспринимается как родной, второй – как иностранный. Координативный билингвизм предполагает владение в равной степени также двумя языками, но при этом оба языка считаются родными. В случае с субординативным билингвизмом процесс идентификации, как отмечает В.В.Наумов, еще возможен, но если мы имеем дело с координативным билингвизмом, то тогда идентификация крайне сложна [9, с.121]. Однако Наумов считает, что все же по-настоящему родным языком может быть только один, на котором человек мыслит. Второй язык необходимо контролировать, так как сознание человека не может вместить в себя две разные языковые системы. Но если согласиться с Наумовым, то как назвать такой феномен, если не координативный билингвизм, когда индивид рождается и вырастает в двуязычной среде. На территории Беларуси таких примеров можно привести доста-

точно много, не случайно даже в качестве государственных в нашей республике выступают два языка – белорусский и русский.

Определению лингвокультурной идентичности способствуют невербальные средства – параязык. Формирование параязыка обусловлено теми же факторами, что и формирование самого языка, а именно: культурой, ментальностью нации, особенностью психики ее представителей. При этом в параязыки включаются следующие средства: мимика, жесты, расстояние между собеседниками, различного рода кинесические проявления. Например, поцелуй несет разную смысловую нагрузку в странах Запада и Востока. Один и тот же жест рукой в Латинской Америке означает «иди сюда», а в Северной – «уходи». По-разному выражают представители европейской и американской культур свои эмоции после каких-либо публичных выступлений. Интересна интерпретация улыбки у различных народов. Существуют даже словосочетания, связанные с данным «сокращением мышц». Например, «американская улыбка», «японская улыбка». Японская улыбка далеко не всегда выражает радость, она является важной составляющей частью японского этикета. В Корее не положено улыбаться новобрачным во время церемонии: по народной примете, если невеста улыбается, то первой в семье родится девочка, что нежелательно. Существенная составляющая параязыка, на которую также следует обратить внимание, – это фонация.

Первой фонационной характеристикой, которую, в частности рассматривает В. Колшанский, – профессиональная постановка голоса (или отсутствие таковой) [10, с.110]. Но данная характеристика, во-первых, не всегда точно идентифицирует субъекта, даже с точки зрения его профессии, во-вторых, не определяет ни в коей мере человеческие качества обладателя такого голоса или его этнонациональную принадлежность. Еще одна фонационная характеристика по Г.В. Колшанскому – это тембр. Тембр – обязательная составляющая речи любого индивида. Вариативность тембра определяется эмоциональным состоянием индивида в конкретно взятый момент и природными факторами. «Интонация представляет собой наиболее сложное явление в ряду фонационных особенностей языка, связанных с речью и личностью говорящего» [10, с.116].

Из кинесических особенностей входящих в параязык можно еще выделить жесты и мимику. В определенном смысле жесты и мимика обусловлены биологическим фактором, то есть отчасти они передаются по наследству, но тем не менее обусловлены и культурной средой, в которой пребывает субъект, и его индивидуальностью. В качестве примера можно привести такой факт. В Японии не принято смотреть в

глаза собеседнику, старшему по возрасту и социальному положению. В большинстве же европейских стран подобное поведение трактуется как неискренность. Наумов справедливо замечает, что система параязыка включает в себя огромное количество параязыковых средств. Причем невербальные средства не менее важны, чем вербальные средства. И если мы имеем дело в коммуникации с вербальными и невербальными характеристиками речи субъекта, то мы должны учитывать все их богатство, идентифицируя того или иного индивида [11, с.125].

Определение лингвистической идентификации важно для субъекта, поскольку язык выступает в качестве основного инструмента информационно-коммуникационного обмена. А коммуникация, в свою очередь, есть определяющее условие для его идентичности. Но поскольку мы живем в эру нового лингвопорядка, то и вопрос с владением субъектом тем или иным языком не является зачастую доминирующим в процессе его культурной и лингвистической идентификации, как считают некоторые исследователи. В данной связи примечательной является дискуссия между примордиалистами и конструктивистами. Если для примордиалистов связь между языком и культурой обязательна и неоспорима, то для конструктивистов это скорее миф, причем неуместный и ненужный в нынешних цивилизационных условиях. Для французского исследователя Ж. Деррида язык и культура вообще не связаны друг с другом, а, следовательно, и идентичность не имеет связи с языком [12]. Таким образом лингвистическая идентичность личности как таковая вообще отвергается Ж.Деррида. В современных общественно-цивилизационных условиях язык рассматривается зачастую как инструмент деятельности, а коммуникация – как процесс взаимообмена деятельностью. Но поскольку язык отражает внутренний мир субъекта и одновременно его взаимосвязь с внешним миром, вопрос о лингвистической принадлежности по-прежнему важен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии/ Н.С. Трубецкой. – М.: АСТ, 2000. – 290с.
2. Бодуэн де Куртенэ, И.А. О психологических основах языковых явлений //И.В.Бодуэн де Куртене/ Избр.труды по общему языкознанию. – М. АСТ, 2003. – 420с.
3. Потебня, А.А. Слово и миф/А.А.Потебня. – М.: Юрайт, 2004. – 457с.
4. Гумбольдт, В. Языки, философия, культура / В. Гумбольдт. — М.: Наука, 1995. — 200 с.
5. Крысин, Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. – М.: Лань, 2009. – 340с.
6. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Русский язык, 1987. – 309с.

7. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»; миф или реальность. / В.В. Красных – М.: Гнозис, 2003. – 250с.
8. Комадорова, И.В. Понятие языковой личности в культурно-коммуникативном пространстве. характеристики идентичности //И.В. Кузнецова, Е.В. Кузнецова/ Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11-8. –С.1732-1735. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33412>.
9. Наумов, В.В. Лингвистическая идентификация личности/ В.В. Наумов. – М.: КомКнига, 2011. – 430с.
10. Колшанский, Г.В. Паралингвистика/ Г.В.Колшанский. – М.: Гнозис, 2009. – 380с.
11. Кузнецова, Е.В. Идентичность субъекта. Типология видов// Е.В.Кузнецова/ Омский Научный Вестник. – 2012.– №4(111). – С.123-127.
12. Автономова, Н.С. Философский язык Жака Деррида / Н. С. Автономова. – М.: РОССПЭН, 2011. – 275 с.

**LANGUAGE AND LANGUAGE PERSONALITY:
THE PROBLEM OF LINGUISTIC IDENTIFICATION**

E.V. Kuznetsova

*Institute of Philosophy of National Academy of Sciences
Minsk, Belarus*

The article is devoted to the problem of language personality and the level of a subject's language proficiency. The level of language proficiency is considered by the author as a criterion for determination of an individual's linguocultural identity. The author concludes that despite new socio-civilizational conditions, the language continues to play a key role in determining of a subject's affiliation and in the process of communication in general.

Keywords: language, culture, language personality, national and cultural traditions, para-language, linguistic identity.